

**ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
С. Л. РУБИНШТЕЙНА В КОНТЕКСТЕ
ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ И ПОЗИТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ**

И. А. Джидарьян

С.Л. Рубинштейн принадлежит к числу тех немногих отечественных ученых советского периода, в творчестве которых экзистенциально-гуманистическая проблематика имеет прочные основания. Можно сказать даже больше: если в отношении большинства других известных советских психологов правомерно говорить лишь об открытости их концепций к проблематике, характерной для гуманистической психологии (Леонтьев, 1997, с. 8), то у Рубинштейна она органично вплетена в его представления о субъекте, определяя содержание и конечный смысл разработанного им субъектно-деятельностного подхода к изучению психических явлений и человеческой жизни.

Среди работ о Рубинштейне несомненный интерес для нашего исследования представляет небольшая статья А. В. Брушлинского с выразительным названием – «Андеграунд диамата». Этим непривычным для понятийного «языка» науки термином «андеграунд», используемым обычно в искусстве для обозначения его различных неформальных направлений, Брушлинский хотел, как нам представляется, заострить важную для себя как ученика и последователя Рубинштейна тему: «С.Л. Рубинштейн и марксистская (советская) философия». Конечно, Рубинштейну с его глубоким философским умом и широким научным мировоззрением было тесно в узких рамках официальной для того времени философии – диалектического материализма, где все по существу было привязано в конечном итоге к так называемому основному вопросу философии о первичности материи и вторичности сознания и проблеме отражения. Поэтому ученый искал возможность, особенно в последние для себя пятидесятые годы, прямо не критикуя и не отрекаясь от марксизма, найти научно более корректный способ раздвинуть эти рамки, открыв дорогу к новой, более широкой проблематике, приближенной к жизни и реальному живому человеку со всем его богатым и сложным внутренним миром, со всеми мировоззренческими, ценностно-смысловыми проблемами человеческого

бытия. И такую возможность он связал с философским понятием онтологии как учения о бытии, о сущем, разработав новейший вариант философской антропологии – единую онтологическую концепцию человека в мире (Абульханова, 2000, с. 22).

Надо отметить, что отношение к онтологии в советской официальной науке было настороженно-критическим как к «термину домарксистской философии» (Краткий философский словарь, 1954, с. 424).

Его использование в тот период по меньшей мере не поощрялось, и постепенно онтология как понятие и соответствующее учение практически исчезло со страниц философской литературы. При этом каких-либо серьезных возражений против онтологии не выдвигалось. Все объяснялось предельно просто – ее не было в работах Маркса, Энгельса и особенно Ленина.

Однако Рубинштейн, вопреки установившейся практике тех лет, берет на себя смелость возродить научный потенциал онтологии и не только первым из советских философов использует это понятие, но и отражает его в названии своей капитальной философско-психологической монографии «Бытие и сознание» (1957 г.). Появление этой книги своего учителя Брушлинский с полным основанием сравнил с «тихой революцией» в философии и теоретической психологии, разрушившей один из устоев всей тогдашней советской философии (Брушлинский, 2000, с. 11)

И действительно онтология как учение о бытии, о сущем предполагает и другой, отличный от гносеологического, аспект исследования действительности, другой ее ракурс и срез, в основе которого лежит уже не оппозиция таких предельно широких и абстрактных философских категорий, как материя и сознание, а другая пара категорий – человек и мир, взаимодействие которых необходимо предполагает гуманистическую составляющую. Именно так – «Человек и мир» – названа последняя, уже посмертно изданная книга Рубинштейна, которая и сегодня продолжает оставаться одной из наиболее ярких, впечатляющих и новаторских по своим идеям и замыслу работ в нашей философско-психологической литературе.

«Человек и мир» – это глубокие размышления о человеке, о его месте в мире, о бытии, смысле жизни, этике, красоте, любви, счастье и т. д. Книга содержит отрефлектированные мысли о тех феноменах личности и сторонах человеческой жизни, которые представляют преимущественный интерес и предмет исследования гуманистической психологии, возникшей в западном, прежде всего американском, обществе в самом конце пятидесятых и начале шестидесятых годов прошлого столетия, а также того новейшего ее ответвления на рубеже XXI века, которое получило название позитивной психологии.

И хотя именно эта книга представляет для нашего анализа наибольший интерес, было бы неправомерно ограничиваться только ею, поскольку гуманизм и позитивность и связанная с ними проблематика

характеризуют все творчество и жизненный путь ученого. Он ставит эти проблемы уже в самом начале своей научной деятельности, когда в ранних опубликованных статьях и рукописях говорит о необходимости сохранить реального субъекта из плоти и крови, обретающего право на свое бытие и человечность жизни, говорит о содействии развитию лучшего в человеке и укреплению его душевных и нравственных сил в борьбе за человечность жизни (Славская, 2009). И он делает их центром внимания в последние годы жизни, когда в дневниковых записях заявляет о своем желании и готовности реализовать, наконец, самое главное для себя – написать книгу сердца, его сердца, книгу «о человеке, о жизни, о человеческих отношениях, книгу о человеческом счастье, книгу <...> о больших внутренних движениях», что представлялось ему «еще несравненно важнее» (Из дневников..., 1999, с. 20). Этой книгой, которая родилась, как отмечает сам автор, «в трудное время как плод мужества и силы» и, к сожалению, не была завершена, стала широко известная сегодня книга «Человек и мир».

В истории науки экзистенциально-гуманистическая проблематика, как и проблематика позитивной психологии, как известно, формировались в противовес бихевиористским, психоаналитическим и позитивистским взглядам на личность с их сциентистски-механистическим подходом к человеку, придававшим главное значение низшим влечениям, «темным сторонам» (К. Юнг) и простейшим механизмам поведения в ущерб «верхним этажам», смысловым образованиям и целостности личности. Весьма показательным в этом отношении уже давно цитируемое психологическим сообществом определение гуманистической психологии как «третьей силы», которое принадлежит А. Маслоу, основателю и бесспорному ее лидеру.

Свое принципиальное несогласие как с «глубинной психологией» фрейдовского толка», так и с «поведенчеством» и другими механистическими трактовками человеческой психики Рубинштейн заявляет уже в начале 1930-х годов, когда закладывались основы его представлений об исторической природе человека, теории сознания, деятельности и субъекта, а также психологии личности с важнейшей для нее категорией потребности.

В интересе к проблеме потребностей очень наглядно проявился гуманизм научных поисков Рубинштейна уже в первый период его творчества: именно эту проблему он особо выделил при анализе работ К. Маркса с позиций психологической науки.

Его привлекла у Маркса прежде всего гуманистическая идея человечности, многообразия и богатства исторически формирующихся потребностей человека. С этих позиций С. Л. Рубинштейн еще задолго до возникновения гуманистической психологии критикует инстинктивные, биологические, и прежде всего фрейдовскую, концепции мотивации. Его не удовлетворяет в них в первую очередь то, что в конечном итоге все они приходят к «представлению об одном-единственном

двигателе, к которому сводится все», что крайне обедняет и искажает, по его словам, истинную природу человеческой личности (Рубинштейн, 1973, с. 41–42).

В контексте темы статьи правомерно сопоставить теории потребностей двух авторов: С.Л. Рубинштейна с его идеей многообразия, богатства и историчности потребностей человека и А. Маслоу, имя которого в мировой науке связывается прежде всего с идеей самоактуализации. Именно эта идея определила, как известно, новаторство разработанной им пирамидальной структуры потребностей, вершину которой образуют потребности в самореализации, самовыражении, в творчестве или, используя терминологию самого Маслоу, самоактуализации. Все они выражают в конечном итоге, по мысли автора, необходимость «человека стать тем, чем он может быть» или реализацию заложенных в индивиде потенциалов и поэтому в наибольшей степени отражают гуманистический смысл его концепции.

Между тем и Рубинштейн, не употребляя термин «самоактуализация», много внимания уделяет в своих работах именно этим потребностям, чаще используя по отношению к ним понятие духовности и связывая с ними творческие и другие возвышающие и облагораживающие человека силы и начала. Проблема духовных потребностей раскрывается им как проблема полноценного развития личности, преодолевающей различные формы отчуждения, как проблема раскрытия и утверждения подлинно человеческого содержания жизни, когда культура становится природой человека.

Вместо самоактуализации как осуществления себя, неприемлемой для Рубинштейна в силу ее односторонности, он предпочитает говорить о процессе постоянного восхождения, когда вершина достижений еще где-то впереди и на пути к ней человек многое претерпевает, преодолевает и побеждает. Дух «борения» и победы, которому предшествует напряженная работа над собой и за пределами себя, жизнеутверждающее начало, ориентация на высшие ценности бытия характеризуют теорию развития человека Рубинштейна. Этим она выгодно отличается, на наш взгляд, от теории самоактуализации, в которой личность центрирована преимущественно на саму себя и замкнута в кругу собственных, подчас эгоистических, интересов. Напротив, для Рубинштейна главное – «в мере соотношения самоопределения и определения другим» (Рубинштейн, 1969, с. 358).

Важно подчеркнуть также и то, что, в отличие от инстинктоподобного характера системы потребностей у Маслоу, между которыми существует четкая соподчиненность, причем верхние подчиняются нижшим, потребности в концепции Рубинштейна принципиально открыты для своего развития, приумножения и «очеловечивания», поскольку «в историческом развитии не только надстраиваются новые потребности над первичными инстинктивными потребностями, но и преобразуются эти последние, многократно преломляясь сквозь

изменяющуюся систему общественных отношений» (Рубинштейн, 1973, с. 41). Для ученого самой важной является мысль о том, что в процессе становления «природы человека потребности человека становятся человеческими потребностями», «в истории все по-новому опосредуемые и перестраивающиеся» (там же). В свою очередь, богатство исторически развивающихся потребностей – все более многообразных и создающихся на все более высоком уровне – открывает, по его словам, перспективу и для богатства человеческой личности, и для более высокого уровня стимуляции ее деятельности. Все эти теоретические положения и логика размышлений ученого дают основание называть теорию потребностей Рубинштейна не только общественно-исторической (Джидарьян, 1989), но и глубоко гуманистической.

Общегуманистическая идея «человеческого в человеке», или «очеловечивания», предполагающая также «дух подлинности и правдивости», заявленная Рубинштейном уже в первых его трудах и пронесенная через все последующие годы научных размышлений над природой человеческого бытия, находит свою более направленную и специальную разработку в этической проблематике последней книги «Человек и мир» уже собственно как проблема отношения к другому человеку, как проблема «Я и другой». Для человека, подчеркивает он принципиальную для себя мысль, «другой человек – мерило, выразитель его человечности. То же для другого человека мое „Я“» (Рубинштейн, 1973, с. 338).

Эти взаимоотношения людей являются для Рубинштейна, как известно, определяющими при анализе человека и характеристике его как субъекта жизни, поскольку «человек есть человек лишь в своем взаимоотношении к другому человеку» (там же, с. 255), а «большая подлинная этика – это не морализирование извне, а подлинное бытие (жизнь) людей» (там же, с. 261).

Свое жизненное кредо, которое лежит в основании этих теоретических разработок и размышлений о взаимоотношениях людей друг с другом, Рубинштейн выразил в дневниковых записях следующими словами: «достойно жить, жить так, чтобы, глядя на тебя, рядом с тобой легче и лучше было жить по-настоящему другому» (Из дневников..., 1999, с. 19). И несмотря на то, что его основное дело как ученого – научная работа, жить именно так, чтобы делать людям добро, для него – «нечто несравненно лучше и больше», чем писать ученые книги. И уже в заключении рукописи «Человек и мир» он напишет о том, что главная цель проведенного им анализа человека и его отношения к другим людям, как и к миру в целом, состоит не в морализировании, а в ответе на вопрос о том, «как верно жить» (Рубинштейн, 1973, с. 384).

Отвечая на этот вопрос, Рубинштейн полемизирует прежде всего с идеей экзистенциалистов о самосовершенствовании как главном предназначении человека и смысле жизни. Несмотря на популярность этой идеи не только у основателей экзистенциализма, но в дальнейшем также и у многих представителей гуманистической и позитивной

психологии, он решительно не соглашается с ней. Главное возражение вызывает у него все те же чрезмерная замкнутость и направленность человека на самого себя, как и в теории самоактуализации. «Не себя нужно делать хорошим, а сделать что-то хорошее в жизни – такова должна быть цель, а самоусовершенствование – лишь ее результат» (там же, с. 386). С точки зрения ученого, высшее оценивается не по отношению к самому человеку, не просто как самосовершенствование, а с позиции того, как оно и что оно изменяет и усовершенствует в других людях.

Следует отметить, что аналогичные возражения в адрес этой, на первый взгляд, весьма «соблазнительной», идеи звучали и в трудах такого известного ученого экзистенциально-гуманистического направления, как В. Франкл. Причем его с Рубинштейном сближает не только критическое отношение к идеям самоактуализации и самоусовершенствования, поскольку они наделяются основной смысловой функцией, но и общность постановки и близость решения многих других проблем человека и его бытия: человек и мир, добро и зло, ответственность и свобода, совесть и долг, ценности и счастье, жизнь и судьба, любовь и смерть, вера и смысл, созидательный труд, духовность, трансцендентность и др. Совпадение взглядов этих двух выдающихся мыслителей-гуманистов XX века по многим из перечисленных проблем объясняется, прежде всего, тем, что для В. Франкла, как и для С. Л. Рубинштейна, изначальным является направленность человека на мир, на других людей, что оба они исходят из рассмотрения реальных субъектов конкретного общества и конкретной исторической эпохи. Поэтому в определении места человека в мире и специфики человеческого бытия эти ученые шли – независимо друг от друга – очень близкими дорогами.

Сослемся на одну только выдержку из работы Франкла, которая могла бы принадлежать и Рубинштейну: «Лишь в той мере, в какой мы забываем себя, отдаем себя, жертвуем себя миру, тем его задачам и требованиям, которыми пронизаны наша жизнь, лишь в той мере, в какой нам есть дело до мира и предметов вне нас, а не только до нас самих и наших собственных потребностей, лишь в той мере, в какой мы выполняем задачи и требования, осуществляем смысл и реализуем ценности, мы осуществляем и реализуем также самих себя». И далее: «Если человек хочет прийти к самому себе, его путь лежит через мир» (Франкл, 1990, с. 119–120).

В своей этике, как части онтологии, Рубинштейн развивает тезис, который несколькими десятилетиями спустя, на рубеже веков, будет положен в основу новой гуманистической дисциплины – позитивной психологии. Суть этого тезиса, как и смысл развиваемой им этики в целом, состоит в том, чтобы, не закрывая глаза на все трудности, тяготы, беды и передраги жизни, в то же время «открыть глаза человеку на богатство его душевного содержания, на все, что он может мобилизовать, чтобы устоять, чтобы внутренне справиться с теми трудностями

ми, которые еще не удалось устранить в процессе борьбы за достойную жизнь» (Рубинштейн, 1973, с. 350).

В этой связи ученый полемизирует с одним из идеологических мифов советского прошлого, пропагандировавшего полное благоденствие и чуть ли не райскую, безбедную жизнь для каждого в будущем коммунистическом обществе. Заблуждением, иллюзией называет он такие представления, которые с «высоты в бесконечность и недостижимость изгнанного идеала» лишь оправдывают бессердечие к людям в настоящем, в действительности. Никакой общественной строй, конечно, не устранит «всех горестей человеческого сердца», не ликвидирует все жизненные проблемы, всю проблематику человеческой жизни. Поэтому не обещаниями и посулами, как, впрочем, и не одним только проявлением сострадания к человеку, его бедам и несчастьям, должна заниматься подлинная (позитивная) этика. Ее главная задача – «показывать человеку все богатство его жизни, поскольку этим больше всего можно его укрепить и ему душевно помочь жить полной жизнью в данных условиях» (там же, с. 351).

С этих позиций основная этическая задача выступает для ученого и как основная онтологическая задача – учет и реализация всех возможностей, которые создаются жизнью и деятельностью человека, что необходимо предполагает борьбу за высший уровень человеческого существования, за вершину человеческого бытия. Но это не простое самоусовершенствование человека, подчеркивает он снова, а признание ценности морального уровня его жизни с точки зрения того, что она изменяет, усовершенствует и значит для других людей. В соответствии со всеми этими положениями смысл этики для него – не «сострадательное», как в христианском гуманизме, а «воинствующее» добро.

Гуманизм, реализуемый в работах Рубинштейна, выходит за рамки того, по выражению самого ученого, «кущего антропологизма», который не распространяется на мир вокруг человека, на природу, на то, что дано первично, естественно, и при котором все превращается в нечто «сделанное», сфабрикованное, «как будто мир действительно является продуктом производства», а природа только материалом или «полуфабрикатом производственной деятельности людей» (там же, с. 342). Против такого «вещного», прагматического отношения, «приводящего к изничтожению действительности» и принявшему уже в наши дни, к сожалению, еще более глобальные, катастрофические масштабы, грозящие уничтожить все живое на земле, как и планету в целом, была направлена гуманистическая мысль ученого, когда он, размышляя о соотношении человека и бытия, говорит о необходимости правильно отнестись ко Вселенной, к миру, к бытию, чтобы сохранить их первозданную красоту.

Для обозначения такого «правильного, человеческого отношения к миру», способного не только преобразовать его в соответствии с его сущностью, но и сохранить саму эту сущность, Рубинштейн обращается

к идее о созерцании, несмотря на в целом критическое к ней отношение в нашей философско-психологической литературе тех лет в связи с марксистской критикой созерцательности как главного недостатка всего предшествующего ему материализма. Он восстанавливает в научных правах это понятие, связывая с ним особый способ отношения и приобщения человека к миру, другим людям, природе, – отношения, отличного от действий, производственной деятельности, практических преобразований, прагматических интересов. Однако созерцание понимается им не в смысле пассивности, страдательности, бездейственности человека, которые привычно связываются у нас с этим понятием. Для Рубинштейна созерцание – не антипод активности и действенного начала человека, а лишь другая форма этой активности, реализуемая через познание и эстетическое переживание, то есть идеально. Утверждая созерцательное, непрагматическое отношение человека к миру, пишет он, мы утверждаем вместе с тем и эстетическое отношение к человеку и необходимость этого отношения как «условие полноценного, радостного человеческого существования» (там же, с. 380).

Развиваемая Рубинштейном идея созерцательности направлена не только против хищнического, прагматического отношения к природе и миру в целом, но и против соответствующего отношения к человеку, против использования его только в качестве орудия, средства при достижении определенной цели, а также против отношения к нему лишь как к носителю одной какой-либо общественной функции, роли, против сведения его к «маске» (там же, с. 364). Необходимость преодоления всех этих функционально-ролевых трактовок личности, лишаящих человека возможности быть субъектом жизни, творцом своей истории и судьбы, является для Рубинштейна первейшим условием для реализации гуманистического подхода к нему во всей полноте его бытия.

В контексте развития идеи о созерцательности рассматривается Рубинштейном и проблема любви как первейшей, острейшей, по его определению, потребности человека, обладающей действенностью «воспитанного гуманным правом чувства» (там же, с. 375).

Обращение к этой человечнейшей и одновременно очень личностной проблеме – тоже неординарный шаг для ученого в условиях чрезмерно идеологизированного мышления и общей заданности проблематики человека в философско-психологической литературе тех лет, не оставлявшей места для «лирических» тем. Рубинштейн делает этот шаг, посвящая различным аспектам и ипостасям любви специальный параграф своей последней, плотно насыщенной мыслью книги «Человек и мир».

В разработке темы любви находит свою реализацию стержневая для ученого идея «человеческого в человеке». Являясь важнейшей потребностью человека, любовь выступает как оценка чувством, способная выявить подлинную сущность человека. Именно в любви, под-

черкивает он, в полной мере проявляется человечность (этичность) человека в его отношении к другому и он, сохраняя свою единичность, поднимается до уровня всеобщности (там же, с. 377).

Три главные мысли определяют гуманистический смысл этой философско-психологической концепции любви:

1. Любовь есть нечто высшее, позитивное в утверждении бытия человека, выражение новой модальности в человеческом существовании – радости от самого существования другого человека как такового.
2. Любовь – «проявитель» всех лучших качеств человека не только в любовных отношениях, но и «во всех планах жизни, во всех сферах человеческой деятельности».
3. Любовь – выражение особого творческого отношения к человеку, способствующего «утверждению бытия человека все более высокого плана, все большего внутреннего богатства» (там же).

С позиций реального гуманизма и практики жизни решается Рубинштейном и проблема «ближнего» и «дальнего», индивидуальности и общности в любви. В самой постановке, терминологии и понимании им этой проблемы просматривается неудовлетворенность тем, как она решается в религии, некоторых концепциях этического социализма, а главное – как реализуется в самой действительности, в том числе и в обществе, в котором он жил и работал.

Решение проблемы любви, связанной с неприемлемым для него противопоставлением любви к «ближнему» и любви к «дальнему», Рубинштейн видит в том, чтобы «в ближнем увидеть идеал человека, но не в его абстрактном, а конкретном выражении» и, что особенно важно, способствовать его созданию (там же). Решительно возражая против любви к абстрактному человечеству «поверх и вне живых людей» и называя ее худшим врагом подлинно живой человеческой любви к людям, Рубинштейн пишет: «Любить человечество надо в людях, с которыми связывает тебя жизнь, и в них надо любить человечество таким, как оно есть, и таким, каким оно будет, таким, как оно становится и каким мы же должны его сделать» (Из дневников..., 1999, с. 20). Противопоставление любви к «ближнему» и «дальнему» означает для него не что иное, как идеалом прикрытые и оправданные безразличие, сухость, черствость и жестокость по отношению ко всем людям, с которыми человек реально соприкасается и которым он мог бы реально помочь.

Сравнительный анализ показывает, что позитивная трактовка любви в концепции Рубинштейна по ряду позиций очень близка взглядам тех зарубежных и весьма авторитетных психологов, которые представляют западную ветвь гуманистической и позитивной психологии. Среди них правомерно назвать прежде всего Э. Фромма, автора фундаментальной монографии «Искусство любви», в работах которого

феномену любви уделяется особенно много внимания и подчеркивается ее особая значимость для понимания всех проблем человеческого существования. В этой связи отметим, например, лишь тот факт, что, как и для С. Л. Рубинштейна, любовь для Фромма – конечная и самая глубокая потребность каждого человека, которая в его концепции «гуманистического психоанализа» лежит в основе всех других человеческих потребностей и тем самым определяет процесс создания человеком самого себя (Фромм, 1991).

Несмотря на признание этими учеными высшей значимости любви как потребности человека, их взгляды на природу любви и ее предназначение в жизни, тем не менее, существенно отличаются друг от друга. Если для Рубинштейна любовь «есть потребность совсем фундаментально существовать для другого», когда один человек существует для другого в полноте своего бытия, в своей особой неповторимой сущности, а ее главное предназначение – выявление в любимом всех лучших качеств, то у Фромма любовь выступает как та активная сила в человеке, посредством которой он освобождается из темницы одиночества и оказывается способным преодолеть чувство изоляции и отдаленности (Фромм, 1991).

В этих определениях, как мы видим, представлен разный вектор любви, акцентируется ее разная направленность: у Рубинштейна, как всегда, это прежде всего позитивная направленность на другого, на того, кого любишь, и поэтому смысл любви – «в радостном утверждении самого существования другого человека», вычленение особого неповторимого существа любимого человека; у Фромма, напротив, это направленность на себя, на того, кто любит и кто в любви оказывается способным достичь необходимой для себя гармонии.

Налицо – две гуманистические позиции в трактовке любви, представляющие разные культурно-исторические и мировоззренческие традиции в развитии мировой социогуманитарной мысли и научных взглядов на природу человека и его существование в мире.

Для стиля мышления и научного мировоззрения Рубинштейна были характерны не только широта мысли, не только акцент на том, что определяет истинную человечность в человеке и возвышает, поднимает личность на новую высоту, но и позитивный, оптимистический взгляд на многие самые сложные и «мучительные» проблемы бытия, человека, отношения к жизни. И это не только проблема наличия зла и его соотношения с добром, но и страдания и смерти, несвободы и принуждения, конечности и бесконечности человеческой жизни, ее трагизма и др.

Не останавливаясь на всех этих проблемах, отметим лишь интересную, непривычную для психологической науки постановку Рубинштейна проблемы трагизма. Она рассматривается им не в плане страдания, психологических переживаний, не в плане умирания как неизбежной биологической смерти человека, а в широком жизненном

контексте, применительно к конкретным историческим и личным ситуациям – соответствующей человеческой судьбы, сплетения добра и зла, противоречий жизни, необходимости идти к добру через зло, гибели добра и т. д. «Трагическое имеет место, когда к неизбежной гибели идет что-то хорошее и прекрасное, когда к добру как осознанной цели приходится в силу независимых от человека обстоятельств идти через зло» (Рубинштейн, 1973, с. 353).

Рассматривая трагическое в контексте различных мировоззренческих чувств, понимаемых как обобщенное, рефлексивное отношение к жизни (трагическое, комическое, ироническое и т. д.), Рубинштейн отмечает известное преобладание именно трагического отношения. Это преобладание, пишет он, «оправдано в виде своей связи с духом серьезности или серьезного, т. е. ответственного реалистического отношения к жизни, соответствующего всей ее исторической и личной конкретности» (там же, с. 354).

В связи с чувством трагического (а не наоборот) рассматривается им и такая фундаментальная проблема человеческого бытия, как проблема жизни и смерти, различные аспекты которой в той или иной степени затрагиваются в работах многих известных психологов экзистенциально-гуманистической ориентации и в целом близки взглядам Рубинштейна.

Согласно Рубинштейну, реальная диалектика жизни и смерти, в которой коренится чувство трагического, предполагает и соответствующее отношение человека к смерти. В его рассуждениях о смерти акцентируется мысль о жизни как ответственности, поскольку для человека в отношении самого себя реально существует не смерть, а завершение жизни: жизнь не только кончается, но и превращается в нечто, чему подводится итог и что ставит вопрос о ее внутренней содержательности и значительности.

Другими словами, чувство трагического и соответствующее отношение к смерти особенно наглядно выявляет степень ответственности человека за жизнь, поскольку после уже ничего не исправишь и не наверстаешь, повышает ответственность за все содеянное и все упущенное. Это делает жизнь более осмысленной и значительной для других людей, для человечества. В свою очередь, «жить с таким пониманием жизни и смерти – значит жить в вечности, воспринимать своих друзей в аспекте вечности» (Из дневников..., 1999, с. 20).

Отношение человека к собственной смерти, определяющее меру ее трагичности, зависит прежде всего, согласно Рубинштейну, от двух обстоятельств: во-первых, насколько завершенной и законченной в смысле реализованности ее замысла, решения главного дела жизни окажется жизнь к моменту наступления смерти и, во-вторых, в какой мере эта смерть не оставляет на произвол судьбы тех людей, которые в тебе нуждались и за которых ты был в ответе. Как видим, мысль о другом и здесь оказывается для него наиважнейшей.

Размышления ученого о жизни и смерти приобретают особую ценность своей беспредельной искренностью и личностной тональностью, поскольку отражают его думы и чувства на завершающем этапе собственной жизни, когда перед ним отчетливо встала «мысль о приближающемся конце». И как ни парадоксально это может показаться на первый взгляд, жизнь с появлением этой мысли наполнилась для него «большой и прекрасной, затаенной патетикой» (там же, с. 21). Сергей Леонидович пишет, что эту пору завершения даже можно сравнить со взлетными годами ранней молодости, поскольку она делает человека больше всего человеком, требуя от него «собрать все помыслы, все силы воедино и бросить их на завершение и оправдание жизни» (там же, с. 20). И если для людей обычно смерть свидетельствует о бренности жизни, то ему она говорит прежде всего о ее значительности и невозможности уйти из нее «с чем попало». Поэтому умереть ученый хотел бы, «благословляя жизнь», а главное – «что-то хорошее оставить людям на прощание» (там же).

Этическая и жизненная позиция Рубинштейна весьма оптимистична, светла и просторна. В этой связи правомерно соотносить, например, его взгляды с утверждением Э. Фромма о трагичности существования и одиночестве человека во Вселенной, поскольку он, обладая разумом и способностью осознания, оказался отделенным от всего остального мира природы непроходимой пропастью (Фромм, 1995). Рубинштейн, напротив, пишет о своем чувстве единения со Вселенной, которое способно сделать жизнь не суровой и не одинокой для него на завершающем ее этапе. В дневниковых записях ученого последних лет жизни есть удивительные по позитивному настрою строчки об этом его мироощущении: «Живу я не в Дубултах, не в Москве, а во Вселенной силой и полнотой ее несокрушимой, вечной и величавой жизни. И душе моей просторно и светло» (там же, с. 19). И хотя с этим чувством приобщенности ко Вселенной живет и дышится безбрежной жизнью, тем не менее, замечает ученый, «Вселенная без человека пустота! Лишь в единении с человечеством ты человек» (там же).

Эту масштабную гуманистическую идею единения человека, человечества и Вселенной Рубинштейн включает в свою итоговую формулировку смысла человеческой жизни, которой совершенно логично и заканчивается книга «Человек и мир». Смысл человеческой жизни – делает он свой главный вывод – не только быть источником света и тепла для других людей, не только быть центром превращения стихийных сил в силы сознательные, не только быть преобразователем жизни, выкорчевывать из нее всякую скверну и непрерывно совершенствовать жизнь, но и быть сознанием Вселенной и совестью человечества (Рубинштейн, 1973, с. 385).

Итак, при рассмотрении научного творчества Рубинштейна в контексте гуманистической и позитивной психологии видны не только линии их соприкосновения, пересечения, совпадения, не только линии

разъединения, расхождения и разногласия, но и линии совершенно самостоятельных и оригинальных его идей. И важно подчеркнуть, что все эти идеи, мысли и суждения сходятся у Рубинштейна в единый центр – философско-психологическую концепцию человека как субъекта. Такая теоретическая основательность выгодно отличается от известной нам западной гуманистической психологии, не имеющей такого единого стержня и представленной весьма разными в теоретико-методологическом отношении работами, принадлежащими крупным ученым, каждый из которых вполне самостоятелен, независим и вместе с тем совершенно уникален по своим идеям и вкладу в психологическую науку.

В одной из своих статей, посвященной гуманистической психологии, Д. А. Леонтьев совершенно справедливо из всей психологической литературы советских лет выделил книгу С. Л. Рубинштейна «Человек и мир», поскольку она, как он пишет, содержит удивительные по глубине и изяществу мысли по широчайшему спектру проблем экзистенциально-гуманистического плана. И остается лишь недоумевать, резонно замечает в этой связи автор статьи, «почему эта книга оказала столь незначительное влияние на работы психологов 1970–1980-х гг.» (Леонтьев, 1999, с. 8).

Отвечая на этот вопрос, наиболее правомерно предположить, что наше психологическое сообщество к тому времени оставалось все еще весьма «зашоренным» прежними установками и взглядами и не готовым необходимым образом осознать, а тем более адекватно оценить и развить дальше эти новые идеи и мысли, резко контрастирующие со всем, что составляло содержание и определяло стиль мышления отечественных ученых в те годы. Выражаясь фигурально, «зерно» упало на еще не подготовленную почву.

В отечественной психологической науке середины прошлого века Рубинштейн оказался впереди своего времени совсем не случайно. Получив фундаментальное европейское образование по философии и осуществив к тридцатым годам прошлого века глубокий анализ мирового состояния психологической науки, он и в последующие годы, несмотря на опустившийся в стране «железный занавес», продолжал оставаться, пожалуй, более других советских психологов интегрированным в мировую психологическую науку, хорошо чувствовал тенденции ее развития, в том числе и наметившийся в пятидесятые годы поворот философско-психологической мысли в сторону гуманистических и экзистенциальных проблем. В силу этих же причин он не мог с годами не осознавать все острее также и неправомерную зауженность проблематики советской психологической науки, ее замкнутость на ограниченном круге проблем и необходимость «выхода» на широкие просторы «онтологии человека», в другой масштаб измерения – целого мира, в котором человек ищет и находит (или не находит) свое место, в котором он одно теряет, а другое приобретает взамен, что и составляет содержание человеческой жизни.

И как только появились первые признаки «оттепели», Рубинштейн осуществляет, по его же словам, прорыв через все навязанное ему прихотливым и суетным ходом жизни к этим просторам философской мысли и человеческого бытия, чтобы по-настоящему понять человека и межлюдские отношения и сделать их совершеннее. В этом заключалась для него «самая человеческая и самая прекрасная из всех задач» (Из дневников..., 1999, с. 20).

К сожалению, скоростная смерть не позволила ему в полной мере осуществить все задуманное. Жизнь оборвалась на «полуслове», в ответственный, завершающий период работы над самой главной для ученого книгой, которую он называл книгой «своего сердца», посвященной всему, что есть в жизни мужественного и великодушного. Но и то, что успел Рубинштейн сделать и что оставил нам в наследство, имеет огромную научную и гуманистическую ценность в системе современной психологической науки.

В заключение выделим мысль, обоснованную всем проведенным выше анализом творчества Рубинштейна и в то же время акцентирующую более широкий, исторически выраженный аспект затронутой проблемы.

Речь идет о все еще не преодоленной традиции связывать гуманистическую психологию второй половины XX века лишь с именами известных западных ученых, с тематикой и содержанием разработанных ими концепций и изданных работ. Хотя гуманистическая психология, как и более поздние ее ответвления – экзистенциальная и позитивная психология, действительно возникли и институционально оформились в новое научное направление на Западе, точнее, в американской психологии, без какого-либо видимого участия наших ученых, сам по себе данный факт еще не означает, что все эти дисциплины являются чисто западным явлением, к которому наша отечественная наука якобы не имеет отношения, для которого не представляет интереса.

Как показывает соответствующий анализ работ не только Рубинштейна, но и некоторых других ученых, живших и трудившихся в советский период нашей истории, в частности, например, Б. Г. Ананьева (см. Джидарьян, 2008), в их творчестве также разрабатывалась современная им гуманистическая проблематика, развивался позитивный взгляд на человека, его возможности и перспективы развития. Поэтому нет никаких оснований не учитывать в истории гуманистической психологии, наряду с ее бесспорными западноевропейскими корнями и традициями, также и те, которые формировались в рамках отечественной науки.

При рассмотрении и оценке гуманистичности психологической науки в советский период ее развития надо, конечно, исходить не столько из позиций ее близости соответствующим западным теориям (поскольку общая идеологическая ориентация тех лет предполагала обязательную конфронтацию и критику «буржуазной» науки), сколько

из реального гуманистического смысла развиваемых отечественными учеными концепций и взглядов на конкретные проблемы человека и личности, актуальных в условиях современной им социальной действительности. В отношении Рубинштейна, о реализуемом в его работах гуманизме свидетельствует их направленность на все то, что приносит самоутверждение жизни, возрождение ее радости, инициативу и ответственность личности, а также на то, что подчеркивает не страдательное, а действительное начало человека.

Видимо, речь должна идти о признании существования не какого-то одного, а разных вариантов гуманистического подхода в психологической науке, обусловленных особенностями историко-культурной среды и социума, в которой они формировались. И тогда более очевидным станет также вклад и наших ученых, и прежде всего, конечно, Рубинштейна, в развитие мировой гуманистической мысли XX века. Имя Сергея Леонидовича Рубинштейна как ученого и гуманиста вполне сопоставимо с такими всемирно признанными и авторитетными именами, как А. Маслоу, В. Франкл, Э. Фромм, С. Роджерс и другие.

ЛИТЕРАТУРА

- Абульханова К. А. Рубинштейн С. Л. – ретроспектива и перспектива // Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000.
- Брушлинский А. В. Андеграунд диамата // Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000.
- Джидарьян И. А. Развитие С. Л. Рубинштейном общественно-исторической концепции потребностей // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 4. С. 57–66.
- Джидарьян И. А. Гуманистический смысл идеи Б. Г. Ананьева о системном человекознании // Методология комплексного человекознания и современная психология. М., 2008.
- Из дневников Сергея Леонидовича Рубинштейна // Психологический журнал. 1999. № 4. С. 18–23.
- Краткий философский словарь. М., 1954.
- Леонтьев Д. А. Возвращение к человеку // Психология с человеческим лицом. М., 1997. С. 3–18.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир (Отрывки из рукописи) // Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969. С. 348–374.
- Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
- Славская А. Н. Ранний период научного творчества С. Л. Рубинштейна (методологический, теоретический, биографический анализы) // Психологический журнал. 2009. № 5.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
- Фромм Э. Искусство любви. Исследование природы любви. Минск: Полифакт, 1991.
- Фромм Э. Человеческая ситуация. М., 1995.